

Владимир Карнаухов

ИСТЕЧЕНИЕ

Книга стихов

Владимир Карнаухов
Истечение. Книга стихов

«Издательские решения»

Карнаухов В. А.

Истечение. Книга стихов / В. А. Карнаухов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834934-8

По истечении лет хотелось бы увидеть, с чем жил, что познал и, оглядываясь назад в жизненные отрезки, зафиксированные в своих стихах, осмыслить путь творческой стези, выпавшей на мою поэтическую долю. Член Российского союза писателей. Это моя третья книга в издательстве Ridero.

ISBN 978-5-44-834934-8

© Карнаухов В. А.
© Издательские решения

Содержание

«Как из горсти моей души»	6
«Ты меня забери из домашнего плена...»	7
«Наша «Красная книга» любви...»	8
«Идём под руку в молчании...»	9
«Переключка сердец ещё бьётся в груди...»	10
«На душевном побережье чистый свод...»	11
«Вот только что горел твой взгляд...»	12
«Как из горсти моей души...»	13
«Давай я выйду за порог твоих сомнений...»	14
«Пропущенный удар разрушил имидж ваш...»	15
«Троллейбусов тягучая истома...»	16
«На цепочке день бедовый...»	17
«Беспутство нёс твоё годами...»	18
«Тиражировать совесть бестактно...»	19
«Не хочу бежать по жизни...»	20
«Не поднимай вопрос о дружбе...»	21
«Сахарок вприкусочку...»	22
«Бессмыслица, то дождь, то снег терзают...»	23
«По маршруту души не ходи ты, беда...»	24
«Где по земле сквозят метели...»	25
«Случайность обретает путь...»	26
«Без любви замерзает душа...»	27
«Совковой лопатой выбивают ковёр...»	28
«Начну с того, что я взгляну во двор...»	29
«Не признаются с чистого листа...»	30
«Мы на отравленном горем столетье...»	31
«Хмурый месяц выпал из окошка...»	32
«Жизнь когда-то возвышалась неприступной горой...»	33
«Наружность улиц в осени капризной...»	34
«Человеческий жребий судьбы...»	35
«Ты зайдёшь ко мне, прогромыхаешь...»	36
«Мастер-класс страны российской...»	37
«Голодная стая встревоженных мыслей...»	38
«Как в увязшую тину любовь затащила...»	39
«Я у Бога прошу окончания лета...»	40
«Километры...»	41
«Через глаза проходит жизнь...»	42
«Эклером вертится мечта...»	43
«Включился в полночь от розетки...»	44
«Носил заточку в сапоге...»	45
«Попробуй в ванной смыть своё презренье...»	46
«Ваши глаза, как створка у фрамуги...»	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Истечение
Книга стихов
Владимир Карнаухов

© Владимир Карнаухов, 2016

ISBN 978-5-4483-4934-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Как из горсти моей души»

Не заразись бессердечностью,
Не будь почётным гостем у зла,
Твоё знакомство со злосчастной местностью
Даст немного, а возьмёт сполна.
Не заразись бессердечностью,
Время и так воспалённое,
Гибельнее всего в бесчеловечности
Находить меру, злом обновлённую.
Не заразись бессердечностью,
Под осенним ветром насилие,
Не ищи место в вечности,
На соседней кровати твоё бессилие.
Не заразись бессердечностью,
Не играй в прятки со злом,
Уколись в вену уколом с честностью,
Полечи душу с неделю добром.

«Ты меня забери из домашнего плена...»

Ольге Викторовне

Ты меня забери из домашнего плена,
Ты ладони мне дай целовать,
Заколдованный в грусть и мотаясь без дела,
Я из улиц устал тебя ждать.
Я от утренней мглы еле ноги ношу
Под плащом беспросветного рабства
И с неистойвой речью я тайну ищу
В беспорядке квартирному хамству.
Я на дне задушевной беседой травлюсь,
Вынуждая подсматривать в дверь,
И, когда открываю, постоянно боюсь,
Что не будет тебя за ней.
Забери, чтобы жажда забыла всегда,
Мой порог и на нём мои слёзы.
Чтоб не мучила в небе ночная звезда
До реальной угрозы, до дрожи.
Бьёт по окнам осенний листвы мордобой,
Бьёт часами в заслуги мои,
Ты ладони, родная, навстречу раскрой,
И быстрее меня забери.

«Наша «Красная книга» любви...»

Наша «Красная книга» любви
Всего лишь с одной строкой.
Когда пересеклись наши пути
В путанице городской.
Нас оберегают ангелы небесные,
Кому мы ещё нужны такие,
В своём роде увлечённые и интересные,
На поволжской стороне России.
Мы не огненные натуры,
Но с сердцами, чтобы обживать дом,
Так, в записях социологической процедуры
Мы всегда вместе, вдвоём.
Необходимость среды оберегаться.
Мы, как вид, должны понимать,
Чтобы в своей Красной книге остаться,
Палку известную не перегибать.

«Идём под руку в молчании...»

Идём под руку в молчании,
Каждый думает о своём,
Царит определённое понимание
Любовно-оккупационного на потом.
Нам ясен путь дальнейший,
Знакомые лица усваиваются свободней,
И даже товарищ Гроссман милейший
В аббревиатуре жизненной поспокойней.
Числится очередное мероприятие,
Материальное соприкосновение к цветам,
Чтобы обыкновенное восприятие
Стало необыкновенным к нам.
Хризантемы выглядят бесподобно,
Осень вовлечена в наш путь.
Идти под руку нам хорошо и удобно,
Чтобы понимать любовно-оккупационную суть.

«Перекличка сердец ещё бьётся в груди...»

Перекличка сердец ещё бьётся в груди
С именами мне дорогими,
И живёт ещё дух, выражаясь в любви,
С винтиками своими.
Положение втягивает в остроту,
Письма слёз накрывают задачей.
Я впустил в дом любимый свою доброту
И немного для всех удачи.
Подсознательный опыт умеет помочь,
Пробуждая резервные силы,
И тогда с благодарностью смотрит дочь,
И жена говорит мне «милый».
Быть опорой, где трудно ходить и дышать,
Воскресать умирание дней,
Где качнувшую в сторону надо держать
Постоянно верой своей.
Вот тогда перекличка сердец в груди
С именами мне дорогими
Будет жить ещё, духом выражаясь в любви,
С винтиками своими.

«На душевном побережье чистый свод...»

На душевном побережье чистый свод,
Апогей Моего Величества,
Достиг определённых высот
Взаимопониманий и любовного излишества.
Ласка сердечная, принимая икоту времени,
Не боится сглаза сущностей тёмных
И из всех навязанных мне стремлений
Остаётся верной в глазах весёлых.
Доверие не переживает разногласий,
Душа светлая – явление нечастое,
И всё, что «не от мира сего», мне без понятий,
Когда настроение прекрасное.
Пусть бунтует недовольный мир,
Сжатый до коварства и обвинения.
Моя осень с приливом сил
Ищет чуда и вдохновения.
Мягкий воротник моей радости
Не меняет интересной внешности,
На душевном побережье праздности
Скрадываются все погрешности.

«Вот только что горел твой взгляд...»

Вот только что горел твой взгляд.
Вот только что была ты рядом,
И твой божественный наряд
Меня пленил и сделал пьяным.
Я всё бы понял, но такое,
Где просто постоять с тобой,
Где просто видимость покроя
Прошита ниткой золотой.
Так ты душой открыта настежь,
Что я за облаком твоим
Лишь повторяю имя наспех
И снова я теряю мир.
Скольжу по мраморной картинке
И обретаю странный слух.
Уже на этой вечеринке
Я перегрелся и потух
И вот с изношенным вниманьем,
Святым всем мысленно звоня.
Я вижу вновь очарованье!
Чей обладатель только я.

«Как из горсти моей души...»

Как из горсти моей души
Клюёт по зернышку забота,
Прошу себя я, не спугни,
Что мне досталось с таким потом.
При каждом вымученным жесте
Я вновь подкидываю зёрна,
Чтоб оставалась ты на месте,
Чтоб оставалась ты покорна.
А беды, будто вороньё,
Всё норовят спугнуть заботу
И вырвать щедрость у неё,
И сделать чёрную работу.
Когда вхожу я в светлый дом,
И добрые глаза встречают,
Я знаю, что в борьбе со злом
Забота только помогает.
Я всё на милость рассыпаю
До зёрнышка в своей душе
И до мурашек понимаю,
Что восполняет силы мне.

«Давай я выйду за порог твоих сомнений...»

Давай я выйду за порог твоих сомнений
И брошу всё к твоим ногам,
И ливни бесконечных извинений
Закончат лить слезами по глазам.
Вмешаться сердцем к примиренью,
Зависит только всё от нас,
И столько раз просить прощенье,
Когда у жизни краткость фраз.
Подумать надо, что осталось,
И перечнем всех прошлых дней
Не перечёркивать ту радость,
Не втягиваться в беспредел,
Как у любви на горле камень
Уже почти на самом дне,
И взвешивается удел признаний,
Чтоб всплыть опять тебе и мне.

«Пропущенный удар разрушил имидж ваш...»

Пропущенный удар разрушил имидж ваш,
Песочный замок ссыпался в минуту,
Через плечо набитый патронташ
От холостых патрон заносит смуту.
Куда же вы? Я парень для забавы,
Вы так чертовски были хороши.
Вы прикупили средство для услады,
Но прежде говорили о любви.
На флаге вашем подколотая змея,
И на плече змейей татуировка,
Ваш прейскурант зависит от вранья,
И вся любовь – смешная зарисовка.
Вы откровенная по-русски гладь,
Не водная, где рябью лижет тело,
Вы та, что нагишом и на кровать,
Цивилизованно, привычно и умело.
Позвольте вам откланяться совсем,
«ВКонтакте» моё имя не тревожьте.
Пропущенный удар, он всё ж сумел,
Разрушить имидж, чтоб вы были проще.

«Троллейбусов тягучая истома...»

Троллейбусов тягучая истома,
По-малому накрапывает дождь.
Я жду тебя, взволнованный, у дома,
Когда же наконец-то ты придёшь.
Маршрутки с визгом летят по мостовой,
Я каждую пытаюсь заприметить,
В загруженном салоне образ твой
Я вычисляю в сумеречном свете.
Моё терпенье выдают глаза
И твой вопрос, попавший внутривенно,
Уже задействовал венозные тельца
И отделяет нас с тобой мгновенно.
И волокуша вечер не торопит,
Тебя ко мне, в убогом расстоянии,
И дождь ещё мне голову морочит,
Забрызгивая слезами ожидание.

«На цепочке день бедовый...»

На цепочке день бедовый
От себя не отпускает,
И, как пёс, меня, дворовый,
За штанину всё кусает.
Что же так тебе неймётся,
Ты же скучен и ненастен.
Над тобой весь двор смеётся,
Оттого что неопрятен.

«Беспутство нёс твоё годами...»

Беспутство нёс твоё годами,
Скрывая в жизненном плену,
И, чертыхаясь в нос словами,
Тебя я в сердце берегу.
Так крик, что выпрыгнул из горла,
Уже не втянешь снова в грудь,
И в приступы с лицом позорным
Уже без слёз не заглянуть.
И, задыхаясь на пути,
Из сердца с ледяным оскалом
Я вырываю с теплом дни,
Раскрыв в них светлое начало.
Тебя надолго не хватает,
На белом покрывале ночь
С тобой по-грешному мечтает
Уйти из жизни нашей прочь.
Разбухло третьим поколеньем
Твоё беспутство на корню,
Но я с ненужным мне прощеньем
Тебя, как ангел, берегу.

«Тиражировать совесть бестактно...»

Тиражировать совесть бестактно
И искать её в здоровом уме.
Связка глаз будоражит превратно,
Даже если тверды вы в лице.
Лишний раз обратите внимание,
Как похожи такие, как вы,
Что излишнее ваше тщеславие
Создаёт всегда культ слепоты.
И божок набирает харизму,
Предвкушая своей правотой,
И прикормленной мыслями к свинству,
Давит нехотя, слово мощной.
Ритуал непорочности краток —
Прочертить круг обычным мелком.
Набирается мудрых с десятков,
И выносятся приговор.
Остальное, как ветошь тюками,
Брешь раскрытую закрывать,
И идейно уютить словами,
Там, где совесть не может молчать.

«Не хочу бежать по жизни...»

Не хочу бежать по жизни,
Но ведь две-то не дадут,
И дорогами извилин
Ещё память украдут.
Лучше бы, конечно, шагом,
Рассмотреть всё на ходу:
И льстецов, и разных гадов,
Что подталкивают в тьму.
Похозяйничать не выйдет,
Голых качеств быстрота,
Тут же с подлостью обидят
И осудят за глаза.
Но так как же добираться,
Годы набирать свои,
Они хворостом ложатся
В разведённые костры.
Что сгорают, что дымятся
От несдержанности слёз.
Надо было пробираться
С локотками и всерьёз.

«Не поднимай вопрос о дружбе...»

Не поднимай вопрос о дружбе
И в благородство не играй.
Когда для всех ты самый нужный,
Ты одного не потеряй.
Речист на сборище любом,
Питателен, как вечный классик,
И метод вламываться в дом
Активен, не меняя график.
Самообман крадёт фигурой,
Любая помощь – трепет дня.
Фактически от процедуры
Освобождается всегда.
Так, между общего затишья,
Вдруг слово скинет с языка,
И симпатичное приличье
Прикроет сразу всем глаза.
Тогда уже ты пуп земли,
Расписывай и ужасай,
Но с дружбой, всё-таки пойми,
Ты одного не потеряй.

«Сахарок вприкусочку...»

Сахарок вприкусочку,
Тайная любовь.
Посмотри на Шурочку —
Опустила бровь.
Как зарделась бледная,
Видать, неспроста.
Чарочку хвалебную
К губкам поднесла.
Даже сплетню выдюжит,
Будто не о ней,
И на картах выложит,
Чей король видней.
Беленькая кофточка,
С чёрною косой,
Близкая дороженька
За лесок ночной.
Где любимый, суженный,
За кустом подсел.
Получив за Шурочку
Ножичком взамен.
Подбежала милая,
Не найдёт глаза,
Ты прощай, любимая,
Кончилась весна.

«Бессмыслица, то дождь, то снег терзают...»

Бессмыслица, то дождь, то снег терзают,
По влажным улицам деревья и дома,
И толпы лиц по мутным лужам тают,
И извозилась скромностью зима.
Ворон галдёж на свадьбе воронёной,
Обезобразили разборками забор,
И сыр, случайно ими обронённый,
Чернеет дырами во весь раскрытый двор.
Декабрь, тебя я горько понимаю,
Ты не живёшь, ты весь во власти тьмы.
Я каждый раз, когда тебя встречаю,
Боюсь, что снова будем мы больны.
Скользка дорога по горбатым кочкам,
Полупальто, и чуточку знобит,
И гуталиновой кашей ночка
Огнями потными в окне моём горит.

«По маршруту души не ходи ты, беда...»

По маршруту души не ходи ты, беда,
Без тебя есть кому с ней встречаться.
Было б лучше оставить в покое меня,
И к другому кому потаскаться.
Я бы шарф подарил тебе шерстяной,
И гуляй себе на просторе,
Создавай свою меру за лысой горой,
Где бесчинствует ваше отродье.
Ты же худшим встречаешь меня,
Твои мелочи комом здоровым,
Загоняют безбожно в загон тупика,
Своим пленом на редкость суровым.
Ты в передней всегда возвышаешь свой трон.
На весах правосудия – вера,
Перевесит добро – получаешь жетон,
Отодвинув беду на колено.

«Где по земле сквозят метели...»

Где по земле сквозят метели,
И чёрный ворон на пути,
И ходят страшные медведи,
Кочующие шатуны.
Нам нет с тобой конца и края,
Берёзы белые в дыму,
И снег, закатывая дали,
Заглатывает и луну.
А нам с тобой куда податься
И брать в друзья своих врагов,
Чтобы, по сути, рассчитаться
Среди бескрайности снегов.
Иль ежедневно опасаться,
Воздействие другой среды.
Придумать, чтобы всем остаться
И перейти с врагом на «ты».
Как копия крадёт сюжет,
Срисовывая с оригинала,
И мучить тех, кого уж нет
В могилах снежного завала.
Нам притяжение как кара,
Чтоб разбирались на земле,
Чтобы гордыня помотала
По занесённой полосе.

«Случайность обретает путь...»

Случайность обретает путь
И, как испуганная кляча,
Тебя потащит в эту муть,
Но там окажется иначе.
Благоприятностей не жди,
За каждым словом не гоняйся
И, если угол отвели,
Работай и не отвлекайся.
На положении скандальном
Причин для бури не ищи.
Не будь для старшего буквальным,
А лучше кофе принеси.
От искренности сторон
Начнётся пониманье.
Потом ты будешь утверждён
С недельным испытаньем.
Случайность редко нас находит,
Но есть у ней грешок такой,
Когда начнёшь ты верховодить,
Вдруг появляется другой.

«Без любви замерзает душа...»

Без любви замерзает душа
Без хорошего, доброго слова,
Остаются дурман миража
И причастность ненужного сброда.
Вечной молодости не бывает,
Как и будущего без молодости,
И поступков порой не хватает,
Оттого что мы мчимся на скорости.
Тон шуточный – начало конца,
Репетируем с глазу на глаз.
Ты ревёшь потому, что зима,
А я жму всё сильнее на газ.
Недоступны мне мысли твои.
Отвечаю за доброе слово,
Ты кричишь мне: «Постой, не гони!
Я уже ко всему готова».

«Совковой лопатой выбивают ковёр...»

Совковой лопатой выбивают ковёр,
Не нашлось выбивалки обычной,
И под ними трещал от ударов балкон
В вихрях пыли, так плотно насыщенной.
На втором этаже всё же ниже к земле,
Выносить для чего – непонятно.
Вот и лупят ковёр – самолёт в высоте,
Чтоб летал в магазин и обратно.
Так ведь был перегруз и решили бомбить
И соседей подергать снаружи,
Но они все устали уже говорить,
Ждут, когда их лопата не сдюжит.
Приходил участковый, удивлялся порой,
Зацепляло его непонятным.
Вы меня один раз пригласите с собой,
Полетать в магазин и обратно.

«Начну с того, что я взгляну во двор...»

Начну с того, что я взгляну во двор,
Спущусь узнать, какое настроение,
С соседями подкрасим свой забор,
И принесу хорошего портвейна.
Мы разольём вино для всех
И будем кушать сладкие конфеты,
И будет раздаваться женский смех,
Возобновляя женские секреты.
Поговорю с сапожником-евреем,
Он знает, как и кто живёт в округе.
Он проведёт любые параллели,
От старого гвоздя до брошенной подруги.
Субботный день в объёме воспалится,
И все сползутся под зелёный кров,
Опять с портвейном мне надо возвратиться,
Чтоб продолжать весёлый разговор.
А к вечеру начнутся откровения.
Где парами все ускользнут в кусты,
И от гитары соло-представления
Всех унесёт до следующей поры.

«Не признаются с чистого листа...»

Не признаются с чистого листа,
Не отрывают пуговицы с корнем.
Гляди, гляди в мои глаза,
Ведь я и есть твой истинный угодник!
Для нервов я, для сути роковой,
В восторг безбрежный с грязными руками
Я миллионы лет, как часовой,
Стоял и ждал за адскими веками.
Богемой ты повсюду воскресала,
Хребты ломая, как клинки,
И веру в человеке истребляла,
Как полководец стройные полки.
Ты ложь! Я рок, которым ты владеешь,
Ступень к величью твоему,
Когда земное ожерелье ты наденешь,
Не будет выхода к добру.
И та земля, что Русью называют,
Сама собой исчезнет от беды,
Уже сейчас её порой качает
От вашей бесподобной лжи.

Сорви три пуговицы с корнем,
Засунь признание в кулак.
Теперь в глаза, глаза смотри угодник,
В придачу роковой дурак!

«Мы на отравленном горем столетье...»

Мы на отравленном горем столетье
Оставили свои следы,
И в облегающем бронежилете
В другой с оружием вошли.
Мы рисованные временем,
«Их разыскивает полиция»,
Здесь обрели новое положение,
Меня скальпелем лица.
Только сохранив почерк
Своих гуттаперчевых пальцев,
Мы открыли десятки точек
Войной изувеченных страдальцев.
Так, заразные властью всласть,
Не принимая вековые болезни,
Мы не умеем уже не лгать
Растерянному населению.
Вам приятен прихват оголённого провода,
Выбивающий автомат мозгов,
Не прерывая искушённого повода
Ломать мир и сердца городов.

«Хмурый месяц выпал из окошка...»

Хмурый месяц выпал из окошка,
Меж деревьев скользнул, золотой.
Повисел и подумал немножко:
«Нет, не надо мне жизни такой.
Где мои развесёлые дали,
Где мой звёздный, ночной простор,
Вот зашёл на минутку к даме
И бегу от неё, как вор.
Заглянул лишь красе улыбнуться,
В её комнату света пролить,
И успел на кулак натолкнуться
И с полицией поговорить.
Мир земной на коварстве и злобе,
Путеводной звезды не сыскать.
Вот и лупят друг друга по морде,
Вот и кличут друг друга на -ять.
Полечу всё ж в родимые дали:
Золотой – потому что с любовью,
Чтобы звёзды меня там встречали,
И сияли в моём изголовье».

«Жизнь когда-то возвышалась неприступной горой...»

Жизнь когда-то возвышалась неприступной горой,
С мечтами, любовью, с ученьем – свет, а не ученьем – тьма,
С полным комплектом деятельности почётной и трудовой,
С набором случайных встреч и одному Богу известного мне конца.
Так стал просыпаться вулкан страстей и пороков,
Первые невесёлые частушки и стихи о социализме,
Школьные балы с разборками, с возникновением глазных
подтёков
И обзором бесконечных путей через советскую призму.
Билось под джинсовой рубахой средней тяжести сердце тунядца,
Лилось вино рекой местного, яблочного разлива,
На футбольном поле исчерпывающая игра красавца,
И ночь с болельщицей без внутреннего контрацептива.
Высшее образование, подсунутое под широкий зад времени,
Армейский шеврон, прибитый намертво кулаком дедовщины,
Обескураживающий пейзаж степей, как на лысом темени,
И указ об увольнении под грохот дембельской матерщины.
И исчезла наполовину гора от выброшенной, огнедышащей лавы,
Потекла и застыла в железной хватке испуганная судьба,

И решать надо было мне, как преодолевать эти завалы,
Там, где убавляется всё, и одному Богу известного мне конца.

«Наружность улиц в осени капризной...»

Наружность улиц в осени капризной
С изречением сорванной листвы
Поддерживает порядок мнимый
И льёт неторопливые дожди.
Бессолнечные дни уже в привычке,
В блокаде перепачканных дорог,
На оживлённой птичьей стычке
Застыли в подлинности тревог.

«Человеческий жребий судьбы...»

Человеческий жребий судьбы
На весах рокового террора —
Результат обитателей тьмы
И кровавого произвола.
Доказательство вашей вины,
Жизни, вырванные у Бога,
Вы находите точки войны,
Где безвинность страдает народа.
Вас уже нерождённых нашли
И пресытили кровью в утробе,
И забили в пустые мозги
Обязательство чей-то воли.
Сколько слёз, сколько скорби внесли,
Разрывая сердца на части.
Убиенным несут цветы.
Душегубам несут проклятья.

«Ты зайдёшь ко мне, прогромыхаешь...»

Ты зайдёшь ко мне, прогромыхаешь,
Всеобъёмный и дорогой,
Мой дружок и советский товарищ,
С той страны, что ушла на покой.
Ты, взволнованный и великодушный,
Будешь крепко меня обнимать,
Скажешь мне, как всегда, простодушно,
Как живёшь ты, едрёна мать.
И подаришь мне новую книгу,
Только вышедшую свою,
Ну, давай тихо хлопнем за Тиму,
За друзей, что просветом в строю.
И начнёшь заводить за стихи,
За мои, за свои, за чужие:
Слышал, Дима, «Красавец в ночи»
Напускает тумана и пыли.
Так пройдем мы заветные дали
Под коньячный и огненный всплеск
И закончим опять стихами
Под весёлый и радостный смех.

«Мастер-класс страны российской...»

Мастер-класс страны российской
Безбилетный и простой.
Путь единственный и близкий —
Всевозможно экономь.
Раскидай бюджет на месяц,
Коммуналка – основной.
Сколько ты в начале вешишь
И в конечной жировой.
Покупайте больше круп,
Каша – голоду помеха.
Из куриных мощей суп,
И картошечкой утеха.
На лекарства меньше тратьте,
Есть народные средства.
От таблеток лишь участие
И кружится голова.
Повторяйте ежечасно,
Несмотря на сотни дел:
Жизнь прекрасна, жизнь прекрасна,
Чтобы верить в свой удел.
Больше воздухом дышите,
Воздух – весь наш капитал,
Бога вы в себе ищите,
Чтобы жить, как подсказал.

«Голодная стая встревоженных мыслей...»

Голодная стая встревоженных мыслей,
Разбойная воля души.
В одном человеке ныне и присно
Живёт на кровавом пути.
Тюрьмою зловещей порушены годы
В один не обдуманый шаг.
Потом, как на счётах, костяшками ботал
Этап, за которым этап.
И как-то на зоне прозаик отстойный
Про хату одну нашептал,
Что куш там профессорский и достойный
И ржавый повсюду металл.
Исчез постепенно прозаик по жизни,
Снега отступали не раз,
Стучали по крышам холодные ливни,
И вот долгожданный указ.
Откинулось время свободой голодной,
Взметнулось тревожным звонком,
И хата, где куш с состояньем огромным,
С профессором был за столом.
Скажите, ответил он медленно вору,
Как только затвор заскулил,
Вам адрес назвал тот, кто с именем Рома?
Так он мой единственный сын.

«Как в увязшую тину любовь затащила...»

Как в увязшую тину любовь затащила,
Где на грязях лечебных он язву лечил,
Минеральной водичкой так круто поила,
Что друг мой от усердья её перепил.
Советы нужны, пока нужен ты сам,
И вот он пошёл за советом.
Ложитесь, сказала, таблеточку дам,
Лежать так пришлось до рассвета.
Заблудшей овечке блудить захотелось,
Козлу пощипать лепестки,
И воздухом горным всё так завертелось,
Что больше хотелось любви.
За каждым кустом воспалялись от страсти,
В пещерах дышали огнём,
И не было пары видней и прекрасней
За тысяча вёрст кругом.
Уже организм заблокировал язву
И вывел накопленный шлак,
Но думал герой, по горло увязнув,
Какой же он всё ж дурак.
И утром последним, ни с кем не прощаясь,
У дерева выломав сук,
С вещами по склону горы пробираясь,
Резко рванул на Машук.

«Я у Бога прошу окончания лета...»

Марии Кирилловне

Я у Бога прошу окончания лета
С его адской жарой, что взрывает сердца.
Где под крики сирен чья-то песенка спета,
По земному проспекту уносясь в никуда.
Горемычный народ, как в авоську большую,
Свои души сложил с именами людскими
И безменом на вес духоту городскую
Принимает в таблетках горстями любыми.
Только ветер, как пьяный, с одышкой тяжёлой
За бугром притаился в густых облаках,
Чтобы кинуться с воем, вдвоём с непогодой,
На авоську, что виснет на пыльных кустах,
Где уже уложили с ответом взаимным
Разорвавшие в пекле на клочья сердца,
И на мраморе светлом с пристуком фамильным
Уже выбиты все имена.

Всё-таки услышал, но поздно.

«Километры...»

Километры.
Города.
Небо, звёзды,
Космос, мгла.
И ты,
Одинокая в квартире,
Сон томишь
В любимой книге.

«Через глаза проходит жизнь...»

Через глаза проходит жизнь,
Как встроенные микросхемы,
Они включают свой режим
И гаснут не по делу.
Где всё записывает память
В багаж двух полушарий,
Где время начинает грабить
Накопленное из воспоминаний.
И кто кого когда узрел
В бесчисленные встречи,
Поможет на любой манер
Вернуть с противоречий.
Но всё уже скатилось с рельс
С железом под откос,
И под лопаткой та же резь
И мучавший вопрос.

«Эклером вертится мечта...»

Эклером вертится мечта
В зеркальной, солнечной витрине,
И вся от сладкого возня
Дрожит от вкусовых извилин.
Приятней выйти за пределы
И огорошить весь колхоз,
И дюжину таких эклеров
Поставить на пустой поднос.
И начинать гасить, как свечи,
Одно творенье за другим
И думать, что ещё не вечер,
И весь процесс необратим.
Понять, что я пришёл к мечте,
Что вот она, запита соком.
Последний взбитый в очереди
Глядит с подноса одиноко.

«Включился в полночь от розетки...»

Включился в полночь от розетки,
От оголённых проводов,
Глаза лучами шли по стенке
Накалом двух прожекторов.
Клочки волос стояли дыбом,
Рот раскрывающий углом
Старался выправить учтиво,
Маяча искромётным лбом.
Холодный пот менял оттенок
Раскрашенного бойца,
И под пижамой звук железок
Давали нежных два яйца.
Благоухая внешним видом,
Случайно вышел на жену,
Она пропела слово: милый!
И рухнула столбом во тьму.
Прожжённым следом на балкон,
Прошёл, пугая дочку,
И, обесточив с треском дом,
Благодарил врачей за ночьку.

«Носил заточку в сапоге...»

Носил заточку в сапоге,
Любил фатовую девчонку
И говорил своей шпане,
Не лезьте вы ко мне в печёнку.
Раздольные гуляли дни,
Весна на зеркале висела,
И я дарил тебе цветы,
Чтоб ты от счастья хорошела.
Мы были встречены любовью,
Не замечали край земли,
И брызнуло однажды кровью
На наши чувства от шпаны.
Раскинь, дружок, за свой расклад,
Но мы идём на дело завтра.
Пока для нас ещё ты брат
И не пытай судьбу напрасно.
Их всех свинтили на малине,
Как только утро за порог.
На зоне все они решили,
Что это я ментам помог.
Года корёжили металл,
Скрипя железом по бетонке,
И вот один меня узнал,
Напомнив резко о девчонке.
Носил заточку в сапоге,
И как нелепо он валился,
Так и остался ствол в руке,
Который вдруг не пригодился.

«Попробуй в ванной смыть своё презренье...»

Попробуй в ванной смыть своё презренье,
Что за зиму, как снегом, нанесло,
И перечнем шампуней, без сомненья,
Найди, пожалуйста, не торопясь, своё.
«Собачья чушь» – всё наше оправданье,
И, сталкиваясь, на квадратных метрах,
Одно лишь неизбежное желание
Нам говорить на непонятных жестах.
Пусть между пальцев проскользнёт вода,
Но что-то замешается и в этом.
Прошу тебя, открой свои глаза,
И выйди ты из ванной человеком.
Давай забудем всю банальность разговоров,
Отключим таймер прошлых отношений,
И не искать всю крайность в наших спорах,
И быть подальше от твоих презрений.

«Ваши глаза, как створка у фрамуги...»

Ваши глаза, как створка у фрамуги,
И хлопают с такой же простотой,
И взгляд ваш, независимой подруги,
Пронзает холодом на улице ночной.
Накидывая с мехом капюшон,
Пытаясь спрятать беспросветный омут,
Вы достигаете взаимность двух сторон,
И господин становится ваш робот.
Любое заведение для души
Откроет вам зловещие объятия,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.